

### **РЫЖИНА**

Говори со мной, осень, на своем языке,  
подари, как письмо, запоздалую негу...  
Пристрасти меня, осень, к перевозданной тоске,  
прикрепленной невидимой ниткою к небу.  
Негорячее солнце, лучами пронзив  
небеса, отразилось кокетливо в луже...  
Убеди меня, осень, что я твой эксклюзив,  
и никто, и никто тебе больше не нужен.  
И прочту я в волшебной твоей рыжине,  
хоть на миг возвратившись к забытым основам,  
все, что станет со мною и бродит во мне,  
становясь то ли жизнью, то ль сказанным словом.

### **КУСОЧЕК ДЕТСТВА**

Ах, детство ягодно-батонное,  
молочные цистерны ЗИЛа!..  
И небо массой многотонною  
на наши плечи не давило.  
Тогда не ведали печалей мы:  
веснушки на носу у Ленки,  
ангинный кашель нескончаемый,  
слои зеленки на коленке.

Вот дядя Глеб в армейском кителе  
зовет супружницу «ехидна»...  
И так улыбчивы родители,  
и седины у них не видно,  
картошка жареная к ужину,  
меланхоличный контур школы,  
да над двором летит натруженный,  
хрипящий голос радиолы.  
Вот друг мой Ким. Вот Танька с Алкою.  
У Кима — интерес к обеим.  
А вот мы с ним порою жаркою  
про Пересвета с Челубеем  
читаем вместе в тонкой книжице,  
в листочек всматриваясь клейкий...

---

Александр Михайлович Габриэль — дважды лауреат конкурсов им. Николая Гумилева (2007, 2009), обладатель премии «Золотое перо Руси» 2008 года, автор многочисленных газетных и журнальных публикаций в США, России и других странах. Автор четырех книг. С 1997 года проживает в пригороде Бостона (США).

И время никуда на движется  
на жаркой солнечной скамейке.

### СИНЕМА

Каждый день — словно явь, только чем ты себя ни тешь,  
но циничный вопрос возникает в мозгу опять:  
ну, а вдруг это просто кино, голливудский трэш,  
и слышны отголоски выкрика: «Дубль пять!»?  
Вдруг ты сам лишь мираж, одинокая тень в раю,  
пустотелый сосуд, зависнувший в пустоте?  
Ты сценарий учил, ну а значит, не жил свою,  
заменяя ее на прописанную в скрипте.  
Дни летят и летят бездушною чередой —  
так сквозь сумрачный космос мчатся кусочки льда...  
И невидимый Спилберг выцветшей бородой  
по привычке трясет, решая, кому куда.  
Спецэффекты вполне на уровне, звук и цвет,  
и трехмерна надпавильонная синева...  
Жизнь прекрасна всегда, даже если ее и нет.  
А взамен ее, недопрожитой, — синема.

### ПОСТМОДЕРН

Поэт смеется.  
Говорит: сквозь слезы,  
но мы-то знаем: набивает цену.  
Во тьме колодца  
обойтись без дозы  
не в состояньи даже Авиценна.  
А в голове —  
морзянка ста несчастий.  
Он — явный арьергард людского прайда.  
Себя на две  
распиливая части,  
он шлет наружу Джекила и Хайда.  
Поэта гложет  
страсть к борщам и гейшам  
да трепетная жажда дифирамба.  
Но кто же сможет  
отнести к простейшим  
творца трагикомического ямба?  
Давно не мачо,  
услаждавший уши,  
обыденный, как старая таверна,  
он по-щенячьи  
подставляет душу  
под плюшевую лапу постмодерна.

\* \* \*

Присесть на лавочку. Прищуриться  
и наблюдать, как зло и рьяно  
заката осьминожки щупальца  
вцепились в кожу океана,  
как чайки, попрощавшись с войнами  
за хлебный мякиш, терпеливо  
следят глазами беспокойными  
за тихим таинством отлива,  
и как, отяжелев, молчание  
с небес свечным стекает воском,  
и все сонливей и печальнее  
окрестный делается воздух.  
Вглядеться в этот мрак, в невидное...  
От ночи не ища подвохов,  
найти на судорожном выдохе  
резон для следующих вдохов.  
Но даже с ночью темнолицею  
сроднившись по любым приметам —  
остаться явственной границею  
меж тьмой и утомленным светом.

### СТАМ<sup>1</sup>

От ветра за завьюженным окном  
грустней глаза. И хмурый метроном  
поклоны отбивает ночи черной...  
Мне так хотелось принимать всерьез  
всю эту жизнь, весь этот мотокросс  
по местности, вконец пересеченной —  
увы. И попугаем на плече  
сидит смешок. Все ближе Время Ч  
по воле непреложного закона.  
Но даже при отсутствии весны  
все времена практически равны,  
включая время Йоко. В смысле — Оно.  
Хоть сердце увядает по краям,  
храни в себе свой смех, Омар Хайям,  
он для тебя — Кастальский ключ нетленный.  
Ведь только им ты жизнь в себе возжег,  
и только он — недлинный твой стежок  
на выцветшей материи Вселенной.  
И думаю порой, пока живой,  
что, может, смерти нет как таковой.  
Она — извив невидимой дороги;

---

<sup>1</sup> Стам (иврит) — идиома, в одном из своих значений призывающая не принимать всерьез сказанное/ совершенное перед этим, свести все к шутке.

а я, исчезнув Здесь, возникну Там,  
и кто-то свыше тихо скажет: «Ста-ам!»,  
насмешливо растягивая слоги.

\* \* \*

Предугадай-ка: осознаешь, нет ли,  
бесстрастный, словно камни пирамид,  
когда в последний раз дверные петли  
земного скрипа истошат лимит.  
Невидная окончится эпоха,  
и в пригоршне едва звучащих нот  
прозрачный иероглиф полувдоха  
незримый нотный стан перечеркнет.  
Твой путь земной — не шаткий и не валкий —  
на этой гулкой точке завершив,  
взлетят куда-то к потолочной балке  
растерянные двадцать грамм души,  
где и замрут, как мир окрестный замер,  
и где, платки в ладонях теребя,  
глядятся в ночь опухшими глазами  
немногие любившие тебя.